

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 17.

1-го Сентября

1873 года.

Содержаніе.—Объясненіе первой главы евангелія отъ Луки.—Отличительный характеръ евангелія Іоанна.—Объявленія—Отъ редакціи Харьк. Епар. Вѣдом.—Отъ редакціи журнала Школьная Жизнь.

ОБЪЯСНЕНІЕ

первой главы евангелія отъ Луки.

(Продолженіе)

Іоаннъ, какъ предтеча Господень, долженствовалъ предупредить зачатіемъ своимъ зачатіе Самаго Господа,—и вотъ, уже въ шестой мѣсяцъ отъ зачатія предтечи тотъ же святой вѣстникъ особенно великихъ и чудесныхъ дѣлъ Божіихъ, Гавріиль, посланъ былъ предвозвѣстить зачатіе Того, Кто служилъ главнымъ предметомъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Предсказано было, что Мессія родится отъ Дѣвы (Иса. 7. 14); и вотъ архангелъ дѣйствительно посылается къ Дѣвѣ; предсказано было, что Онъ произойдетъ изъ дома Давидова (І рем. 23, 5);—и Ангелъ возвѣщаетъ о рожденіи Его Дѣвѣ изъ рода Давидова. *И вшеде къ ней Ангелъ рече: ра-*

дуйся благодатная Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ. Она же видѣвши смутися о словесахъ его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе (28—29). У евреевъ слово радуйся было обычнымъ выраженіемъ привѣтствія при свиданіи съ кѣмъ либо. Такъ этимъ жѣ словомъ Іуда привѣтствуетъ Іисуса Христа въ саду Геосиманскомъ (Мѡ. 27, 49). И еслибы Ангелъ, представъ пресвятой дѣвѣ, и привѣтствуя ее употребилъ одно это выраженіе привѣтствіе его, хотя святой, уединенной жительницѣ храма и естественно было почувствовать нѣкоторое смущеніе даже при одномъ внезапномъ появленіи предъ нею свѣтлаго юноши. Но этикетныя благодатная и благословенна въ женахъ присоединенныя къ слову радуйся, привели Пресвятую отроковицу въ недоумѣніе. Она не могла понять, какимъ образомъ эти этикетныя могутъ быть приложены къ ней:—какимъ образомъ она благодатная, когда,—въ смиреніи своемъ,—она сознавала себя несовершенною и нуждающеюся въ благодати? Какимъ образомъ она благословенна въ женахъ, когда она считала себя ничтожнѣйшею изъ женщинъ?.. Но Ангелъ Господень объясняетъ ей, почему онъ назвалъ ее а) благодатною. *Обрѣла бо еси благодать у Бога*, т. е. «ты своимъ образомъ жизни, своими добродѣтелями угодила Богу, и снискала себѣ отъ Него благодать,—и благодать особенно великую, такъ что Онъ избираетъ Тебя Матерію—по плоти—Единороднаго Сына Своего. И зачнеши во чревь и родиши сына, и наречеши имя Ему Іисусъ. Сей будетъ великъ, и Сынъ Вышняго наречется, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, Отца Его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки и царствію Его nebudeтъ конци. (30—33). Въ сихъ словахъ Архангела такой смыслъ. «Наступило время исполниться пророчеству Ісаіи: о рожденіи Спасителя отъ Дѣвы, и вотъ Ты—та самая предреченная Дѣва, и родишь такого Сына. Которымъ исполнятся пророчества о лицѣ Мессіи. Онъ будетъ великъ и какъ человѣкъ, и какъ Богъ. Какъ потомокъ Давида по плоти, Онъ наслѣдуетъ его престолъ,—согласно съ обѣщаніемъ, которое Господь далъ нѣкогда Давиду (1 Паралип. 22, 10) и пророчеству о Немъ (Іерем. 23, 5). Это значить, что Онъ духовно воцарится надъ Израилемъ, равно какъ и надъ всѣми, которые обратятся къ истинной вѣрѣ,—такъ какъ и теперь вѣрующіе во Христа называются новымъ Израилемъ, (См. Рим. 2, 28 сн, 9, 6 и др.). Это царство Его, т. е. царство духовное, на зываемое на — землѣ царствомъ благодати, а на небѣ царствомъ славы, продолжится во вѣки, такъ же согласно съ пророчествами (Іса. 44, 7. Иса. 9, 7. Дан. 2, 44. Мих. 4, 7). Имѣющее вскорѣ послѣдовать рожденіе отъ тебя такого Сына даетъ тебѣ право и на названіе б) благословенной въ женахъ. Первая жена чрезъ грѣхъ подверглась

проклятію, и ей, въ числѣ наказаній за грѣхъ опредѣлено было болѣзненное рожденіе чадъ. Это же проклятіе и наказаніе тяготѣли и на всѣхъ женщинахъ. Но на тебя, такъ какъ ты сама благодатная, и людямъ родишь Избавителя, не простирается то проклятіе и ты не подвергнешься общему всѣмъ рождающимъ женщинамъ наказанію. Такимъ образомъ ты едина между нами благословенная». Но тѣмъ же самыми словами, въ которыхъ Ангелъ разрѣшилъ недоумѣніе Пресвятой Дѣвы относительно необычайнаго привѣтствія, онъ приводитъ ее въ новое недоумѣніе. Теперь она не можетъ уяснить себѣ образа совершенія того рожденія, о которомъ только— что предвозвѣстилъ ей Ангелъ. *Рече же Авраамъ ко Ангелу: (34 ст.). Како будетъ сіе, идоже мужа не знаю?* Пресвятая отроковица съ твердою рѣшимостію обрекла себя на дѣвство, и дала Господу неизмѣнный обѣтъ всегда хранить это дѣвство. Обѣтъ свой Св. Дѣва считала столь святымъ, что, какъ ни величественно было Ангельское предвозвѣщеніе о рожденіи отъ Нея великаго младенца, Она, выслушавъ слова Ангела, размышляла, не будетъ ли рожденіемъ симъ нарушено ея дѣвство, такъ какъ рожденіе предполагаетъ нарушеніе дѣвства рождающей? Занятая сею мыслию чистая и мудрая Отроковица обращается къ Ангелу съ вопросомъ, желая найти въ отвѣтъ его успокоеніе отъ тревожившаго ее недоумѣнія. Уважая святѣйшія и чистѣйшія побужденія, по которымъ предложенъ былъ со стороны Пресвятой Дѣвы вопросъ, Небесный вѣстникъ не упрекаетъ, а тѣмъ болѣе не наказываетъ вопрошающую, — что заслужилъ Захарія за свою недовѣрчивость, — а прямо удовлетворяетъ ея просьбѣ: *И отвѣщавъ Ангелъ рече ей: Духъ святой найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя. Тѣмъ же и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій. (35 ст.).* Архангелъ какъ бы такъ говоритъ: «въ дѣлѣ зачатія твоего, — Пресвятая Дѣво, — и не требуется вмѣшательства мужа, какъ ты сего опасалась; но это совершится особеннымъ сверхъестественнымъ образомъ, таинственнымъ дѣйствіемъ св. Духа и силы Всемогущаго. Посему и Тотъ, Кого ты родишь, зачавъ необычайнымъ образомъ, — не отъ похоти плотскія, но отъ Духа Святаго будетъ не обыкновенный, простой человѣкъ, ни даже только великій человѣкъ, но святой, даже болѣе, — Сама святость: — *раждаемое свято.* Посему некого Ему будетъ звать Отцемъ на землѣ, но Онъ будетъ называть Отцемъ своимъ Бога, отъ котораго рожденъ прежде вѣкъ, — безъ Матери... «А чтобы очевиднѣе, опытно доказать возможность дѣйствія силы Божіей въ дѣлѣ зачатія, Ангелъ указываетъ Пресвятой Дѣвѣ на примѣръ родственницы ея Елисаветы, которая находясь уже въ глубокой старости и будучи лишена естественной способности рождать, зачала во чревѣ, — что могло случиться, — конечно — не иначе, какъ по дѣйствию Всемогущаго, у Котораго

не изнеможетъ всякъ глаголѣ.—Когда такимъ образомъ былъ объясненъ Пресв. Дѣвѣ самый образъ зачатія и рожденія, — всевозникавшій у нея дотола недоумѣніа разсѣялись и исчезли, и Она, совершенно успокоенная, съ благоговѣйною покорностію изрекаетъ *Се раба Господня: буди мнѣ по глаголу Твоему:* то есть, «если это предсказанное совершится сверхъестественно, силою Премудраго и Всемогущаго Господа, — то — кто я такова, чтобъ противиться Его промыслительнымъ распоряженіямъ? Пусть будетъ, какъ ты сказалъ»... И Ангелъ, увидѣвъ такимъ образомъ дѣло посольства своего совершенно оконченнымъ, оставилъ Пр. святую Дѣву. *И отыде отъ нея Ангелъ.*

Воставши же Маріамъ во дни тѣхъ, иде въ горняя со тщаніемъ, во градъ Іудовъ, и увиде въ домъ Захаріинъ, и цѣлови Елисаветъ. И бысть, яко услыша Елисаветъ цѣлованіе Маріино, взырася младенецъ во чревъ ея: и исполнися Духа Свята Елисаветъ, И возопи гласомъ велимъ и рече, благословенна Ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева Твоего. И откуда мнѣ сіе да приидетъ Мати Господа моего ко мнѣ? Се бо яко бысть гласъ цѣлованія твоего во ушю моею, взырася младенецъ радощьми во чревъ моемъ. И блажена въровающая, яко будетъ совершеніе глаголаннмъ ей отъ Господа. (36—45).

Спустя немного времени по отшествіи Ангела, Пресв. Дѣва поспѣшила къ родственницѣ своей Елисаветѣ, въ горняя, вѣроятно въ Хевронѣ, такъ какъ этотъ городъ находился въ горѣ Іудинѣ, и былъ изъ числа городовъ, назначенныхъ Иисусомъ Навиномъ для жительства въ нихъ священниковъ (Ис. Нав. 29, 9 и сл.). Цѣлю же путешествія Пресв. Дѣвы, вѣроятно, было то, чтобы вполнѣ точно и несомнѣнно увѣриться, что она не въ обольщеніи, — окончательно убѣдиться, что все сказанное ей ангеломъ есть чистѣйшая и святѣйшая истина; затѣмъ — поздравить свою родственницу со счастіемъ, какимъ утѣшилъ ее Господь въ ея преклонныхъ лѣтахъ. Но уже самыя слова привѣтствія маріи Дѣвы, какъ бы изшедшія отъ Самаго носимаго уже ею Господа, привели находившагося тогда во чревѣ Елисаветы дивнаго младенца въ священный пророческій восторгъ, подъ влияніемъ котораго онъ произвелъ необычайныя ощутительныя для Матери движенія во чревѣ, и вдохновивъ къ пророчеству мать свою, такимъ образомъ еще во чревѣ началъ уже свое дѣло предвозвѣщенія Христа. По внушенію сего, исполненнаго св. Духомъ, пророческаго младенца Елисавета называла Марію Матерію Господа, благословенною въ женахъ, — поелику плодъ чрева ея благословенъ, — блаженною, за вѣру тому, что сказано ей Ангеломъ отъ лица самаго Бога, — словомъ — она какъ бы повторила слова Ангела къ Пресв. Дѣвѣ. Въ этомъ чудномъ обстоятельствѣ Пр. Дѣва нашла очевидныя и самыя

убѣдительныя доказательства несомнѣнной истинности предвозвѣщеннаго ей Ангеломъ, и пришедши въ высочайшую степень воодушевленія, вдохновенно изрекла чудную, торжественно-величественную, пѣснь начинающуюся словами: величить душа моя Господа... (47—56). Въ книгахъ ветхаго завѣта представляется нѣсколько примѣровъ того, какъ люди, получивъ отъ Бога какое—либо необычайное, величайшее благодѣяніе, или избавленіе отъ величайшихъ опасностей, проникались чувствомъ живѣйшей радости и благодарности къ Богу, и приходили въ такое состояніе благоговѣйнаго восхищенія, что уста ихъ, какъ бы сами собою изрекали хвалу Богу въ торжественной пѣсни. Таковы, на примѣръ, пѣсни: Моисеева (Исх. 15, 1—20), Анны, матери Самуила пророка. (1 Цар. 2, 1—11), трехъ отроковъ (Дан. гл. 3) и проч. Но пѣснь Пресв. Дѣвы Маріи несравненно превосходить всѣ эти пѣсни, такъ какъ благодѣянія,—оказанныя Господомъ ей, а чрезъ Нее и всѣмъ людямъ, за которыя она воздавала хвалу Всеблагому,—выше и важнѣе всѣхъ благодѣяній, когда либо оказанныхъ человѣку. Пѣснь сію, по ея содержанию, можно раздѣлить на три части. Въ словахъ первой части (47—50) заключается хвала Господу, которую Пресвятая Дѣва воздаетъ Ему за благодѣяніе, ниспосланное собственно ей. Слово *смиреніе*, встрѣчающееся здѣсь должно принимать не въ значеніи добродѣтели; ибо въ такомъ случаѣ вышло бы, что Дѣва Марія какъ бы похваляется своею добродѣтелію;—что не сообразно съ ея святостію. Слово *смиреніе* означаетъ здѣсь познательность между людьми, низкость состоянія,—въ какомъ значеніи оно встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ писанія (наприм. Псал. 12, 5). Посему, въ словахъ, составляющихъ первую часть пѣсни Пресв. Дѣвы, заключается та пророчесственная мысль, что всѣ послѣдующія поколѣнія людей будутъ ублажать ее за то, что Высочайшій Богъ, Сильный, даровалъ ей, слабой, ничтожной въ глазахъ ея современниковъ, величіе, удостоивъ избрать ее Матерію Господа—по плоти.—Во второй части своей пѣсни (50—54) Пресвятая Дѣва, намеками на нѣкоторыя замѣчательныя событія въ Исторіи Еврейскаго народа, выражаетъ ту мысль, что Господь и всегда оказывалъ благодѣянія и милости «смиреннымъ», то есть слабымъ.—Блаженный Теофилактъ говоритъ, что подъ гордыми мыслию должно разумѣть въ этой части Богородичной пѣсни, или бѣсовъ, которыхъ І. Христосъ *расточилъ*, изгнавъ изъ человѣческихъ душъ; или Иудеевъ, разбѣянныхъ по всѣмъ странамъ. (52, 53 ст.). Слова *низложи сильныя со престола*. (бл. Теофилактъ) и *богатыя отпусти тщи* бл. Теофилактъ относитъ къ Фарисеямъ, которые были низвергнуты съ учительскихъ кафедръ, и которымъ обладаніе всѣми богатствами Писаній не принесло никакой пользы. Подъ *смиренными же и алчущими* онъ разумѣтъ

язычниковъ и вообще униженныхъ грѣхомъ, которые, получивъ сыновство, возвысились, и обрѣли въ Писаніяхъ истинную пищу для своей души.—Въ третьей части своей пѣсни Пресвятая Дѣва высказываетъ, что Господь, пославъ Сына своего воплотиться отъ Нея, оказалъ Израильтянамъ, (а чрезъ нихъ и всѣмъ людямъ) величайшую милость, которую еще въ ветхомъ заветѣ обѣщаль святымъ Праотцамъ. Эта милость есть искупленіе Израильтянъ,—и всѣхъ вообще людей,—которое здѣсь образно представляется такъ, что Богъ, какъ любящій милосердый Отецъ, воспринимаетъ на руки Израиля, какъ безсильнаго младенца. Подъ этимъ же образомъ представляетъ искупленіе и пророкъ Исаія (42, 1). Посему говоря объ этомъ воспріятіи, (т. е. объ избавленіи, искупленіи и спасеніи Израильтянъ), которое св. Исаія отъ лица Божія только еще пророчесвенно обѣщаль—въ словѣ *воспріиму*,—какъ уже о совершившемся—*воспріятъ*—Св. Дѣва этимъ самымъ словомъ какъ бы указываетъ на исполненіе пророчества Исаіи.

Пребывъ же Маріамъ съ нею, яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой.—Пресвятая Дѣва не хотѣла оставаться у родственницы своей даже трехъ мѣсяцевъ, вѣроятно, потому, что по истеченіи сихъ трехъ мѣсяцевъ наступило время Елисаветѣ родить,—и смиренная Дѣва почла для себя непристойнымъ присутствовать во многолюдномъ обществѣ, которое собиралось въ домъ ново-родившей.

И бысть въ осьмый день, приидоша обрѣзати отрока, и нарицаху е, именемъ отца его Захарію. И отвѣщавши мати его, рече: ни, но да наречется Иоаннъ. И рѣша къ ней, яко никто же есть въ родствѣ твоємъ, иже нарицается именемъ тѣмъ. И помаваху Отцу его, еже како бы хотѣлъ нареци е. И испроши дщичу написа, глаголя: Иоаннъ будетъ имя ему, и чудяхуся вси. (59—63). У Іудеевъ было въ обычаѣ—называть новорожденнаго именемъ кого нибудь изъ родственниковъ—близкихъ или дальнихъ, и потому собравшимся къ Елисаветѣ родственникамъ и знакомымъ ея показалось очень страннымъ, когда Елисавета, по внушенію Духа Божія, а Захарія, по повелѣнію явившагося ему въ алтарѣ Ангела (14 ст.) единодушно рѣшили назвать новорожденнаго Іоанномъ, именемъ совершенно новымъ въ родствѣ ихъ. Такъ какъ Іоаннъ былъ особенный избранныкъ Божій, то ему надлежало и имя получить не отъ людей а отъ Бога.

Отверзшася же уста его абіе, и языкъ его, и глаголаше благословя Бога. И бысть на всѣхъ страхъ живущихъ окрест ихъ: и во всей странѣ Іудействѣй повѣдаемъ бяху вси глаголю сѣи. И положиша вси слышавши въ сердце своемъ, глаголюще, что убо отрока сіе будетъ, и рука Господня бѣ съ нимъ. (64—66 ст.).

Проглаголаніе нѣмаго Захаріи въ присутствіи родственниковъ и знакомыхъ, собравшихся къ нему въ домъ, по случаю обрѣзанія

новорожденного младенца, допущено было по особенному смотрѣнію Божию, — съ тою цѣлю чтобы показать людямъ, что этотъ младенецъ, рожденіе котораго сопровождается чудомъ, равно какъ чудомъ же предварялось и сопровождалось и зачатіе, — не таково, какъ всѣ другіе обыкновенные младенцы; но отличенъ особеннымъ величіемъ Божиимъ. А признаніе людьми величія въ Іоаннѣ, еще младенцѣ, нужно было для того, чтобы въ послѣдствіи когда онъ уже возмужавъ, начнеть предназначенное ему дѣло служенія, — смотрѣли на него, какъ на лице, вполне авторитетное. И не безъ основанія можно думать, что то великое уваженіе, съ какимъ смотрѣли на Іоанна Іудей, весьма много зависѣло отъ того, что *вси глаголю сѣи*, т. е. рассказы объ чудесныхъ обстоятельствахъ зачатія и рожденія Іоанна, *повѣдаеми бяху* — сдѣлались извѣстны *во всей странѣ Іудейстии*.

И Захарія Отецъ его исполнися Духа Свята и пророчествова, глагола: Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко... въздвиже рога спасенія намъ, въ дому Давида отрока своего, якоже глагола усты святыхъ, сущихъ отъ вѣка пророкъ Его. — (67—69). Если вѣсть объ обстоятельствахъ рожденія Іоанна зашла умы, и произвела сильныя дѣйствія на сердца другихъ людей, то тѣмъ болѣе самія эти обстоятельства, должны были поразить отца Іоанна, Захарію. Испытавъ на себѣ чудное дѣйствіе всемогущей силы Божіей, онъ ясно созналъ, и твердо убѣдился, что рожденіе его сына есть уже начало долженствовавшаго совершиться на землѣ великаго дѣла спасенія. Посему, какъ только возвращена была ему способность говорить, онъ прежде всего прославляетъ Господа за великое Его благодѣяніе къ людямъ, и потомъ, вдохновенный свыше, пророчественно созерцаетъ самое дѣло искупленія.

Слово *рога* употреблено здѣсь въ переносномъ смыслѣ, и означаетъ или силу (такъ какъ у рогатыхъ животныхъ рога составляютъ силу), или царство (такъ какъ изъ рога обыкновенно изливали елей (помазанія) на того, кого избирали въ цари. Посему *рога спасенія* — значитъ тоже, что царство или сила спасенія. Даровавъ людямъ эту силу спасенія для побѣды надъ врагами (ст. 71) надъ грѣхомъ и діаволомъ, Богъ какъ бы смилостивился надъ протцами, которымъ Онъ обѣщаль это спасеніе, но которые всѣ умерли, недождавшись исполненія Его обѣщанія (69—73). Вдохновенный Захарія представляетъ самое свойство и цѣль искупленія людей І. Христомъ. Чрезъ искупленіе мы избавимся отъ своихъ невидимыхъ враговъ безъ страха, т. е. безъ тѣхъ ужасовъ, какими обыкновенно сопровождается физическая борьба съ тѣлесными врагами, и какими покупается иногда побѣда надъ сими врагами. Своими крестными заслугами Господь приобрѣтетъ намъ побѣду надъ нашими врагами, не подвергая насъ никакимъ опасностямъ изъ

за—нея. Цѣль искупленія — та, чтобъ сдѣлать насъ способными служить Богу преподобіемъ и правдою, т. е. чтобъ поставить насъ въ надлежащее, естественное отношеніе къ Богу и къ ближнимъ.... Уяснились для Захаріи и слова Ангела касательно предтечи, и онъ, обративъ взоръ свой на лежащаго предъ нимъ младенца, Іоанна, и пророчественно созерцая его будущность, говоритъ о немъ почти тѣми же словами, какъ и Ангелъ говорилъ о немъ во храмѣ (76—17).

Просвѣтити во тмѣ и сѣни смертныи сидящая, направити ноги наша на путь миренъ. (79). Подъ сѣдящими во тмѣ, Бл. Теофилактъ разумѣетъ здѣсь язычниковъ, кои умомъ пребывали во тмѣ невѣденія относительно истиннаго Бога. Подъ сидящими же въ сѣни смертной—Іудеевъ, погрязшихъ во грѣхахъ.—*Направи ноги наша на путь миренъ* значить, — по объясненію того же Блаж. Теофилакта, — обратить людей отъ грѣховъ къ праведности: ибо какъ грѣхъ есть вражда противъ Бога; такъ, напротивъ, праведность есть примиреніе съ Богомъ.

Отроча же растяше и крѣпящеся духомъ: и бѣ въ пустыняхъ, до дне явленія своего ко Израилю. (80).

Св. Іоаннъ до самаго времени явленія своего Израилтянамъ въ качествѣ Предтечи, провозвѣстника Мессіи и проповѣдника покаянія, — пребывалъ въ пустыняхъ — для того, чтобы, вдали отъ людей и внѣ всякихъ сношеній съ ними, воспитать въ себѣ смѣлаго и грознаго обличителя, нимаго не потворствующаго чловѣческимъ слабостямъ.

Г. Н.

Отличительный характеръ

Евангелія Іоанна.

(Продолженіе).

Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаніе евангелиста Іоанна: *прежде же всаждника пасхи ХХІІ, І* и далѣ ст. 27—29 очень опредѣленно показываетъ, что когда Іисусъ Христосъ совершилъ тайную вечерю, то день законной іудейской пасхи еще не настаивалъ, и даетъ полное право видѣть здѣсь канунъ 14-го Нисана. Ибо, какимъ образомъ ученики могли бы думать, по замѣчанію евангелиста, что Іисусъ Христосъ, говоря Іудѣ: *еже твориши, сотвори скоро,* имѣлъ поручить ему сдѣлать покупку необходимаго для наступившей уже вечера, когда каждый изъ нихъ хорошо зналъ іудейскій обычай, что вечеромъ 14-го Нисана уже ничего нельзя было купить на рынокъ до утра слѣдующаго дня, если бы дѣйствительно

этотъ вечеръ не былъ бы еще свободный или рабочій для іудеевъ? И точно, обстоятельства слѣдующаго дня даютъ намъ фактическое подтвержденіе, что вечера эта была 13-го Нисана наканунѣ іудейской пасхи. Такъ въ XVIII, 10 ст. Евангелистъ Іоаннъ, изображая картину осужденія Иисуса Христа предъ Пилатомъ, повѣствуетъ, что іудеи, на утрѣ, послѣ тайной вечери Господа, не могли войти съ Иисусомъ Христомъ въ преторію, *ὡς μὴ μακρόθεν, ἀλλ' ὡς φάησιν το πάσχα*. Понятно, послѣ этого, что совершеніе пасхальнаго іудейскаго ужина еще только предстояло, значить Иисусъ Христосъ совершилъ свою вечерю или пасху не одновременно съ іудеями, но раньше; въ противномъ случаѣ если допустить совершеніе ея одновременно съ іудеями т. е. 14-го числа Нисана, какъ этого желаетъ критика евангельской исторіи, то никакъ нельзя помириться съ тѣмъ, чтобы іудеи рѣшились произносить свое осужденіе на канунѣ такого праздника какъ праздникъ опрѣсноковъ и при томъ еще послѣ вкушенія пасхальнаго агнца! Допустимъ наконецъ, что все это могло быть, но какимъ образомъ іудеи могли рѣшиться распять Иисуса на утрѣ слѣдующаго дня т. е. 15-го Нисана, когда день этотъ былъ главный іудейскій праздникъ—праздникъ опрѣсноковъ? Притомъ же евангелистъ Маркъ повѣствуетъ (XV, 21) что когда Господь, изможденный тяжестью своего креста, шелъ на лобное мѣсто, въ это время Сумонъ Киринейскій, возвращавшійся съ поля, подошелъ къ страдалцу Иисусу и понесъ крестъ Его. Не говорить ли этотъ фактъ за истину того единогласнаго повѣствованія евангелистовъ, что это было въ пятницу, въ день еще свободный для іудеевъ, вечеромъ котораго они еще только должны были совершить свою пасху? «Что этотъ день еще не есть свободный, говоритъ Гильгенфельд⁸⁹⁾, но рабочій, то это выводится изъ самаго евангелія Іоанна XIX, 16, гдѣ говорится, что Пилатъ отдалъ Иисуса іудеямъ для распятія и они взяли Его и увели *τότε οὖν παρέδωκεν αὐτόν αὐτοῖς ὡς σταυροῦν. παρέλαβον οὖν τὸν Ἰησοῦν καὶ ἀπήγαγον*. При томъ же, замѣчаетъ онъ, здѣсь субъектъ сложенъ не съ Римскими солдатами, но съ іудейскими представителями, а потому виновниками крестной смерти Господа скорѣе должно предположить іудеевъ, а не римскихъ солдатъ⁹⁰⁾. Слѣдовательно Іоаннъ мало того, что не противорѣчитъ

89) Ibid.

90) Ibid. Нѣкоторые изъ критиковъ, въ подтвержденіе своей мысли, что Иисусъ совершилъ пасху съ іудеями, строятъ такую гипотезу, будто осудили и распяли І. Хр. римскія власти, а не іудеи; ибо іудеи, утверждаютъ они, въ то время не имѣли права смертной казни, а потому для нихъ якобы не было нарушеніемъ величія ихъ праздника т. е. распятіе Иисуса въ 15 день Нисана въ день опрѣсноковъ Zeitseh. Ibid.

тремъ первымъ евангелистамъ въ опредѣленіи дня смерти Господа, но совершенно согласенъ съ ними и гораздо точнѣе еще утверждаетъ, что это была пятница. Ибо если бы, далѣе, Иисусъ Христосъ совершивъ свою тайную вечерю вмѣстѣ съ іудеями 14-го Нисана, осужденъ и распятъ былъ ими на слѣдующій день т. е. 15-го Нисана—въ субботу, то непонятнымъ представляется, почему іудеи такъ поспѣшно и настойчиво просили Пилата покончить съ Иисусомъ до вечера, т. е. снять тѣло Его со креста, и чтобы оно не осталось до слѣдующаго утра? А между тѣмъ это весьма важный историческій фактъ, объясняющій существо дѣла, иначе тѣмъ объяснить эту поспѣшность просьбы іудеевъ, какъ не тѣмъ, что слѣдующій день былъ слишкомъ великъ для іудейскаго народа, что это наступалъ первый день ихъ праадника пасхи и вмѣстѣ съ тѣмъ день субботный, значить вдвойнѣ великій день для іудея, съ наступленіемъ котораго онъ, по требованію закона, обязывался быть вполне свободнымъ отъ всѣхъ дѣлъ и оставаться такимъ въ теченіи всего этого праадничнаго времени.

Всѣ эти обстоятельства, передаваемыя евангелистами, при серьезномъ и внимательномъ, а не наѣбреномъ пристрастномъ разсмотрѣніи, по предзанатой мысли, вполне доказательно устраняютъ то мнимое противорѣчіе, какое отрицательная критика наѣбрено силится выставить между Іоанномъ и тремя первымъ евангелистамъ въ дѣлѣ опредѣленія дня смерти Иисуса Христа; а тѣмъ болѣе утверждать, что Іоаннъ нарочито измѣнилъ историческій фактъ, день смерти Иисуса, какъ это полагаютъ Штраусъ и Флейдереръ, и притомъ съ тою будто бы цѣлію, дабы «ветхозавѣтный образъ и его исполненіе соединить даже во времени. Дѣло въ томъ, что всеобщее церковное преданіе о днѣ смерти Господа было хорошо извѣстно первенствующимъ христіанамъ, а потому писатель четвертаго евангелія не могъ наѣбрено противорѣчить какъ ему, такъ еще болѣе сказанію трехъ первыхъ евангелистовъ, въ которыхъ это преданіе было запечатлѣно навсегда. Къ тому же свидѣтельства Отцевъ и Учителей церкви служатъ намъ очевидною порукою за истинность повѣствованія четвертаго евангелія. Такъ Климентъ Александрійскій, Иринеи, Ипполитъ, Златоустъ и друг. прямо утверждаютъ, что Господь совершилъ свою пасху 13-го Нисана и умеръ 14-го, какъ передаетъ о семъ Іоаннъ и остальные евангелисты. Если же въ первыхъ трехъ евангеліяхъ нѣтъ такого точнаго показанія дня совершенія Иисусомъ Христомъ пасхальной вечери, какъ это мы находимъ въ евангеліи Іоанна, то отсюда вовсе не слѣдуетъ то, что Іоаннъ нарочито перенесъ день смерти Иисуса Хр. съ 15-го на 14-е Нисана для извѣстной своей цѣли и что въ этомъ фактѣ онъ противрѣчитъ остальнымъ евангеліскимъ сказаніямъ.

ямъ. Съ своей стороны мы можемъ сказать только то, что въ этомъ отношеніи евангелистъ Іоаннъ представляетъ только ту удивительную точность и обстоятельность изображенія историческихъ событій, каковая черта, какъ мы и прежде видѣли, составляетъ отличительную и вполнѣ характерную особенность его евангелія.

И такъ, вотъ тѣ особенности, какія представляетъ собою евангеліе Іоанна со стороны чисто исторической—именно выбора, порядка и расположенія матеріи, а также и тѣ болѣе важныя возраженія, какія ставить противъ нея отрицательная критика евангельской исторіи. Но, выставляя первыя и разбирая послѣднія мы до сихъ поръ являли дѣло, такъ сказать, съ ви́шнимъ только видомъ евангелія, съ тою историческою рамкою, которая должна обнять собою внутреннее, духовное его существо или иначе,—ту религиозную, догматическую сцену, которая должна проникать и связывать собою весь объемъ Іоаннова евангелія, а потому перейдемъ теперь къ самой существенной сторонѣ евангелія, гдѣ основная его идея должна всецѣло войти въ рамку его историческаго плана и, такъ сказать, воплотиться въ самой живой, дѣйствительной исторіи.

II.

Если мы сравнимъ начало четвертаго евангелія съ началомъ другихъ, то неоспоримо скажется въ немъ особенный характеръ евангельской исторіи. И дѣйствительно, первый взглядъ на начало Іоаннова евангелія служитъ уже достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы заранѣе опредѣлить тенденціозный, догматическій характеръ его повѣствованія. Въ то время какъ Маттеи и Лука ведутъ генеалогію и исторію дѣтства Іисуса Христа, знакомятъ насъ съ земнымъ Его образомъ, Іоаннъ даетъ возвышенное представленіе о вѣчномъ, первобытномъ существованіи Слова у Отца. Оставляя все ви́шнее и тѣлесное, имѣющее отношеніе къ Іисусу Христу, евангелистъ Іоаннъ не о томъ собственно заботится, чтобы напередъ подготовить своихъ читателей къ повѣствуемой имъ исторіи, какъ это дѣлаютъ остальные евангелисты, но старается главнымъ образомъ начертать ее по извѣстной своей мысли объ историческомъ лицѣ. Отсюда его предисловіе содержитъ, такъ сказать, сущность дальнѣйшаго повѣствованія, какъ въ самой идеѣ, языкѣ, такъ и въ образцѣ изложенія. Въ немъ, безъ всякаго предуготовленія, апостолъ сей—часъ же вводитъ насъ въ свою возвышенную идею и, вдохновенный таинственнымъ созерцаніемъ воплощеннаго Слова, оны, по выраженію блаж. Августина, «какъ громъ гремитъ въ началѣ своего евангелія и смѣлое, торжественное пареніе его богопросвѣщеннаго ума не только возвышается надъ всѣмъ про-

тяженіемъ воздуха и неба, но даже надъ сонмомъ самыхъ Ангеловъ и надъ всѣмъ порядкомъ невидимыхъ силъ и наконецъ восходить къ Тому, который былъ отъ вѣчности и сотворилъ все». 91). А такимъ образомъ евангелистъ вмѣсто временнаго рожденія І. Христа обращается къ вѣчности и полагаетъ вѣчное рожденіе Слова и единосущіе Его со Отцемъ, отъ котораго Оно получило свое предвѣчное бытіе, и при томъ такъ, что эта непостижимая глубина Слова дѣйствуетъ, какъ таинственная чара на духъ изслѣдователя.

Едва обозначивъ такимъ образомъ свою идею въ первыхъ же словахъ повѣствованія, евангелистъ Іоаннъ тотъ часъ же переходитъ къ ея раскрытію въ области живой, дѣйствительной исторіи и говоритъ, что это Слово, которое отъ вѣчности было жизнію и свѣтомъ человѣчества, теперь явилось во плоти, полное благодати и истины. А чтобы отличить дѣятельность воплощеннаго Слова, вершины которой Оно достигло въ человѣчествѣ, отъ прежней его дѣятельности и притомъ, чтобы сдѣлать болѣе замѣтнымъ, что имѣеть сдѣлать благодать Божія, Іоаннъ приводитъ пророческія свидѣтельства Крестителя, какъ очевиднѣйшее доказательство того, что содержащееся прежде въ идеѣ, теперь реализуется, пришло теперь въ міръ (17, 9) и есть первый источникъ всѣхъ откровеній, всякаго свѣта и жизни въ человѣчествѣ.

Доказавъ такимъ образомъ въ лицѣ Крестителя вѣчность лица своей исторіи, евангелистъ Іоаннъ обращается потомъ уже къ самому изложенію той существенной стороны жизни І. Христа, въ которой Онъ, какъ воплощенное Слово дѣйствительно явился въ міръ такимъ, какимъ видѣлъ Его апостолъ и какимъ желалъ представить Его предъ глазами своихъ читателей.

Съ этою цѣлію Іоаннъ беретъ тѣ только событія изъ общественной жизни Иисуса Христа, какія входили въ рамку его историческаго плана и обнаруживали по преимуществу метафизическую сторону божественной сущности Господа, именно тѣ дѣла и слова, которыя совершены и сказаны были Имъ, начиная съ Каны и кончая глубокими внушеніями Иерусаламской горницы, куда Спаситель міра уже въ послѣдній разъ собралъ божественныхъ своихъ учениковъ и апостоловъ, дабы совершить съ ними великую тайную вечерю и сообщить Имъ свои высочайшія откровенія. Причина, почему изложеніе этихъ только событий имѣло особенную цѣну и глубокую важность въ глазахъ апостола—очевидна. Если все вообще

великія открытія дѣйствія, совершаемыя какимъ нибудь лицомъ и выходящія изъ круга явленій обычныхъ, невольно обращаютъ на себя наше вниманіе, заставляютъ вдумываться въ ихъ глубокій смыслъ и подозрѣвать ту скрытую въ нихъ силу, дѣйствіемъ которой они произведены, то что сказать о словахъ и дѣлахъ І. Христа въ центрѣ іудейской іерархіи, которая апостолъ избралъ для раскрытія своей высочайшей истины? Апостолъ ясно видѣлъ, что каждое чудесное дѣйствіе Небеснаго Его учителя, выходя изъ божественной Его Сущности, имѣло здѣсь самое сильное и поразительное вліяніе, какъ на умы современниковъ, такъ вообще и на весь дальнѣйшій ходъ Его земной исторіи. Онъ хорошо зналъ, что чудеса Богочеловѣка гораздо сильнѣе и глубже западали въ душу большинства людей, чѣмъ божественное Его слово и вообще ученіе. Онъ былъ наконецъ самымъ близкимъ свидѣтелемъ того, какое впечатлѣніе возбуждали они въ сердцахъ даже самыхъ равнодушныхъ и какъ мгновенно производили въ нихъ такой рѣшительный переворотъ. Даже самые окрѣпшіе и вполне сложившіеся взгляды и убѣжденія людей не рѣдко мѣнялись при видѣ того величія божественной силы, какая проглядывала въ каждомъ чудесномъ дѣйствіи Богочеловѣка. А потому, если высшею задачею евангельскаго дѣла представлялось Іоанну не просто только рассказать, что Іисусъ Христосъ говорилъ и дѣлалъ, страдалъ и одержалъ побѣду надъ смертію и адомъ, но главнымъ образомъ то, какъ эти слова и дѣла обнаруживали внутреннее Существо Богочеловѣка, ту божественную силу и истину воплощеннаго Слова, въ Которомъ столько открылось свѣта и жизни, а также, — какъ эти слова и дѣла дѣйствовали на людей, то естественно, что все сдѣланное и сказанное Іисусомъ Господомъ, во время праздничныхъ Его путешествій въ Іерусалимъ, вполне отвѣчало высшей задаче Апостола. Но, съ другой стороны, — такъ какъ между дѣйствіями и поступками Іисуса Христа, равно какъ между чудесами и знаменіями весьма многое повторялось и повторялось сходно, то, слѣдуя напередъ — обдуманному своему плану, евангелистъ принимаетъ во вниманіе только тѣ изъ нихъ, которыя еще не были предпочтительно разсказаны въ прежнихъ евангеліяхъ и какія ближайшимъ образомъ подходили между прочимъ къ раскрытію основной его идеи. Вслѣдствіе этого въ евангеліи Іоанна многія чудеса, совершенныя І. Христомъ, опускаются и выборъ ихъ состоитъ только въ семнадцати числѣ чудесныхъ дѣйствій, которыя апостолъ особенно и нарочито подробно излагаетъ дабы показать, что каждое изъ нихъ, имѣя свое особенное свойство, ясно обнаруживаетъ ту или другую сторону божественной Его сущности, всемогущей силы и власти. Такія чудеса, излагаемыя евангелистомъ Іоанномъ, слѣдующія: 1) Превращеніе воды въ вино на бракъ въ Канѣ Галилейской (2 г.

1—10; 11) исцѣленіе сына Капернаумскаго царедворца (IV, 47—54; III) исцѣленіе тридцати восьми-лѣтняго больного (VI, 16—21; IV) насыщеніе въ пустынь пятью хлѣбами пяти тысячъ меловѣкъ (VI, 4—13; V) путешествіе Иисуса Христа по волнамъ (VI, 16—21; VI) исцѣленіе слѣпорожденнаго (IX, 17; VII) воскрешеніе Лазаря (XI, 17—57).

Такимъ образомъ, излагая только семь показанныхъ чудесныхъ дѣйствій І. Христа, евангелистъ Іоаннъ съ глубокою мудростию дѣлаетъ такой краткій выборъ. По замѣчанію Евальда⁹²⁾, эта группа чудесъ такъ симметрично собрана евангелистомъ, что если доворить оныя «прибавить къ ней еще чудо—исцѣленіе бѣсноватаго, то въ этой категоріи мы будемъ имѣть вполнѣ классической кругъ всей совокупной дѣятельности Иисуса Христа въ подлѣтій Имъ человеческихъ немощей и злополучныхъ недуговъ». И действительно, нельзя не видѣть, что въ нихъ прямо раскрывается та основная идея, для которой Іоаннъ въ такомъ маломъ числѣ сгруппировалъ всѣ эти чудесныя событія изъ обширной дѣятельности Богочеловѣка. Такъ исцѣленіе тридцати восьми-лѣтняго больного самымъ яснѣйшимъ образомъ открываетъ намъ внутреннее существо Богочеловѣка, какъ Творца новой жизни и здоровья въ міръ; слѣпорожденнаго—какъ раздаятеля духовнаго свѣта, и говоря уже о чудѣ воскрешенія Лазаря, которое есть вполнѣ живое и наглядное обнаруженіе той высочайшей спекулятивной истины, которую Сама вѣчная мудрость открыла въ словахъ: *Азъ есмь воскресеніе и жизнь* (Іоан. 11, 25).

Такимъ образомъ, что въ первыхъ евангеліяхъ представлено было какъ группа отдѣльныхъ обстоятельствъ или событій, тому въ четвертомъ дается возвышенное развитіе и при томъ такое, что между повѣствуемыми событіями лежитъ самое ближайшее, непосредственное отношеніе и духовное единство. Но, съ другой стороны, возводя чудесныя дѣйствія І. Христа на сверхчувственное, вѣчное состояніе и отношеніе, Іоаннъ, въ дѣль раскрытія основной своей идеи, отнюдь не кладетъ высшее значеніе чудесъ—выше самыхъ рѣчей и бесѣдъ своего божественнаго Учителя, но, какъ при жизни Господа, чудесныя дѣйствія Его имѣли свое бездѣльное значеніе только при возвышенныхъ Его рѣчахъ и глубокихъ бесѣдахъ, какъ живыя, наглядныя доказательства истинности того, что Иисусъ Христосъ говорилъ и дѣлалъ, такъ точно выставляется

дасть ихъ въ своемъ евангеліи Іоаннъ. Онъ хорошо понималъ, что чудеса сами по себѣ не могли безусловно содѣйствовать высокой, божественной проповѣди Христа и, если иные побуждались вѣрою, плѣняя свой умъ въ послушаніе этой послѣдней, то такой успѣхъ, безомыслия, первоначально лежалъ въ благодатной силѣ слова и ученія Господа, и оно—то первѣе всего подготавливало такихъ къ принятію вѣры въ Него, тогда какъ чудеса, являлись въ этомъ случаѣ, какъ уже окончательныя свидѣтельства сверхъестественной силы воплощеннаго Слова, которое открывало человечеству свои небесныя истины, какъ и самъ Иисусъ Христосъ говорилъ: *Азъ рѣхъ вамъ и не вѣруете, но дѣла, яко Азъ творю о имени Отца моего, та свидѣлствуютъ о мнѣ, яко Отецъ мя послалъ* (Іоан. V, 36; X, 25).

Поэтому высшее значеніе чудесъ для раскрытія своей идеи евангелистъ Іоаннъ находитъ главнымъ образомъ въ рѣчахъ и бесѣдахъ Спасителя, въ которыхъ и состоитъ то глубоко-мысленное описаніе Бога—Слова, которое онъ хотѣлъ представить своимъ читателямъ. При томъ же важность ихъ для цѣли творенія Іоаннова была уже потому велика, что въ рѣчахъ и бесѣдахъ своихъ Иисусъ Христосъ Самъ засвидѣтельствовалъ о своей божественной природѣ, равно какъ и объ отношеніи своемъ къ Отцу, міру и человечеству. Азъ есмь, говоритъ Спаситель, свидѣтельствуй о мнѣ самомъ и свидѣлствуетъ о мнѣ пославый мя Отецъ (Іоан. VIII, 18 ст.). И такъ какъ свидѣтельства этого рода не находятся въ рѣчахъ, произнесенныхъ Иисусомъ Христомъ предъ собраніемъ галилейскаго народа (какія записаны тремя первыми евангелистами), но преимущественно въ рѣчахъ Іерусалимскихъ, сказанныхъ Спасителемъ предъ цѣлымъ сунедріономъ и ученѣйшими іудеями, то евангелистъ Іоаннъ тѣмъ заботливѣй старается записать эти послѣднія, какъ наиболѣе глубокія и возвышенныя. Отсюда какъ у прежнихъ евангелистовъ особенную заслугу имѣетъ собраніе притчей и отдѣльныхъ изреченій Иисуса Христа, такъ несравненно большее значеніе представляетъ въ этомъ родѣ заслуга Іоанна, который записалъ всѣ важнѣйшія рѣчи Спасителя и при томъ въ такой полнотѣ, точности и исторической живости, какъ ни одинъ изъ евангелистовъ. Это обиліе рѣчей, какое мы находимъ въ евангеліи Іоанна, почти во всемъ ходѣ его повѣствованія, сообщаетъ ему такой возвышенный характеръ, что оно является предъ нами не евангеліемъ исполненія, не евангеліемъ изображающимъ въ лицѣ Иисуса Христа Божию силу, наконецъ не евангеліемъ, возвыщающимъ христіанскій универсализмъ, но, по замѣчанію Климента Александрійскаго, евангеліемъ духа, которое, выходя изъ общихъ вопросовъ (принциповъ) для всѣхъ евангелистовъ, возносится на самую

высшую область христіанской метафизики и открываетъ намъ самую таинственную догму христіанскаго вѣроученія, — догму воплощенія Бога—Слова. Такой взглядъ на евангеліе Іоанна, какъ на спекулятивно догматическое твореніе, воплотившееся въ самой живой, дѣятельной исторіи, еще болѣе оправдывается, если мы прослѣдимъ внутренней складъ его бесѣдъ и рѣчей сравнительно съ рѣчами, записанными у другихъ евангелистовъ. Въ этомъ сравненіи мы ясно увидимъ, что рѣчи и бесѣды евангелія Іоанна, хотя и не лежатъ на вполнѣ отдѣльной точкѣ съ рѣчами трехъ первыхъ евангелій, по скорѣе находятся съ ними въ болѣе или менѣе ближайшемъ соприкосновеніи и согласіи (93), тѣмъ не менѣе, при всемъ равенствѣ ихъ въ общемъ принципѣ, различіе на той и другой сторонѣ ощутительно, такъ что, выходя изъ одного и того же Духа Христова, онѣ отражаютъ Его различно: иначе въ евангеліи Іоанна и особеннымъ образомъ въ повѣствованіяхъ, такъ называемыхъ, «синаоптическихъ». Эта разность открывается а) въ содержаніи и б) въ формѣ изложенія.

а) Въ рѣчахъ и бесѣдахъ трехъ первыхъ евангелистовъ мы не находимъ той спекулятивно-мистической стороны ученія І. Христа, какая господствуетъ въ рѣчахъ, записанныхъ евангелистомъ Іоанномъ. У «синаоптиковъ» Іисусъ Христосъ представляется какъ Учитель своего народа; вовсе время своей общественной дѣятельности Онъ постоянно вращается въ сферѣ простодушнаго народа, въ кругу необразованныхъ галилеянъ, а потому и самыя рѣчи, какія онъ предлагалъ въ своей бесѣдѣ съ ними, по большей части просты, удобопонятны и вполнѣ примѣнительны къ ихъ умственному состоянию. Главное содержаніе ихъ состоитъ болѣею частію въ нравственныхъ наставленіяхъ и совѣтахъ, которые брались спасителемъ изъ жизни же народа и направлялись къ тому, чтобы возбудить въ въ душѣ своихъ слушателей стремленіе къ царству Божію и Его вѣчной правдѣ, какъ необходимыхъ условій и первыхъ требованій для блага и счастья жизни и, если они иногда и прикрывались мудрою аллегоріею и передавались въ сильныхъ, сжатыхъ притчахъ и афоризмахъ, то при всей такой даже символической глубинѣ, рѣчи Спасителя все таки были слишкомъ ясны и понятны въ глазахъ Его слушателей и по истинѣ горѣли предъ ними, какъ выражается Буэнзень, самыми блестящими, драгоценными камнями. ⁹³⁾

Совсемъ не таковы рѣчи Іисуса Христа въ евангеліи Іоанна. Всѣ излагаемая здѣсь слова и бесѣды Спасителя—характера таин-

93) Наприм. Мате. II, 27; Іоан. X, 15; VI, 46; Мате. XXVIII, 18; Іоан. XIII, 3.

94) Bibelw. s. 58.

ственного, и возвышеннаго и болѣе глубокаго. Главнѣйшее содержаніе ихъ чисто догматическое. Въ нихъ Господь болѣе всего говоритъ о Себѣ, какъ Сынъ Божіемъ и объ отношеніи своемъ къ Отцу. Здѣсь онъ не Учитель только, но исключительный предметъ ученія, а потому и самый характеръ Его рѣчей уже не отличается такою — относительною популярностію, которая проглядываетъ и характеризуетъ рѣчи, записанныя тремя первыми евангелистами; напротивъ, на сколько проще содержаніе ихъ у этихъ послѣднихъ, на столько возвышеннѣе изображеніе и содержаніе ихъ въ четвертомъ евангеліи. Правда, приточная форма находитъ себѣ мѣсто и въ рѣчахъ Іоаннова евангелія, однако она не такъ обильна, да и не такого свойства, какъ въ евангеліяхъ Маттея, Марка и Луки. Возвышенный духъ апостола идетъ выше образовъ. Онъ едва удержалъ изображеніе овчарни и пастыря, а также виноградной лозы, но и эта аллегорическая форма рѣчей Господа не составляетъ собою притчи въ собственномъ смыслѣ этого слова, а скорѣе, какъ говоритъ Бунзентъ,⁹⁵⁾ остается мудрымъ размышленіемъ, которое содержитъ въ себѣ болѣе утонченный и глубокій смыслъ, чѣмъ притчи у первыхъ евангелистовъ. И точно, въ трехъ первыхъ евангеліяхъ рѣчи Іисуса Христа представлены по большей части практическія, жизненные, тогда какъ у Іоанна — возвышенныя, спекулятивныя. Тамъ мы видимъ, какъ Іисусъ Христосъ на всякій даже маловажный фактъ обыденной жизни предлагалъ своимъ слушателямъ мудрые уроки нравственныхъ правилъ и опредѣлялъ границы нравственнаго ихъ поведенія, какъ существенныхъ условій достигнуть царства Божія и его правды; между тѣмъ у Іоанна рѣчи Господа — выше вопросовъ нравственно практической жизни и находятся въ области догматической, — открываютъ внутреннее Существо Богочеловѣка. Поэтому натурально, что и самый источникъ ихъ не опытъ, но внутреннее созерцаніе; онъ черпаются здѣсь Господомъ изъ источника болѣе сокровеннаго и таинственнаго, — изъ сокровища Его высочайшаго божественнаго Духа. А такимъ образомъ на сколько рѣчи, записанныя первыми евангелистами, раскрываютъ совѣсть и касаются нравственныхъ качествъ человѣка, на столько рѣчи евангелія Іоанна просвѣщаютъ его разумъ, открываютъ сердце человѣка для принятія самой высокой, божественной истины, — истины воплощеннаго Слова, питаютъ его чувствомъ прославленнаго Его бытія и такимъ образомъ обогащаютъ всего человѣка вѣдѣніемъ божественнаго свѣта, открытаго пришествіемъ въ міръ воплощеннаго Слова.

95) Ibid.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ХАРЬКОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

Въ редакціи харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостей можно получать недавно напечатанную отдѣльными оттисками изъ Харьк. епарх. вѣдомостей брошюру «О церковномъ хозяйствѣ»; извлечено изъ Свод. Законовъ и распоряженій Святѣйшаго Синода протоіереемъ Іоанномъ Чижевскимъ, Харьковъ. Въ Университетской Типографіи. 1873 года. 152 стр. Цѣна безъ пересылки и съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 60 коп. за экземпляръ.

Въ предлагаемой брошюрѣ собрано въ одно цѣлое все то, что разновременно печаталось отрывками въ Харьк. епарх. вѣдомостяхъ въ прошломъ 1872 г. и въ первомъ полугодіи настоящаго 1873 года и сверхъ сего приложено подробное оглавленіе содержанія статей и указовъ Св. Синода; въ концѣ книги напечатаны сроки, въ которые причты съ церковными старостами должны представлять вѣдомости, отчеты и разнаго рода суммы благочиннымъ, а сіи послѣдніе въ духъ Консисторію и другимъ подлежащимъ мѣстамъ, — и самыя формы сихъ вѣдомостей.

Для иноепархіальныхъ об. благочинныхъ и настоятелей церквей считаемъ не лишнимъ предложить краткое содержаніе этой брошюры.

Значеніе церковнаго старосты, кто и какъ его избираетъ; избраніе старостъ къ безприходнымъ и домовымъ церквамъ, сроки ихъ службы, чѣмъ они руководствуются при исполненіи своихъ обязанностей, право и преимущества ихъ, награды и судъ надъ ними, подробное изложеніе ихъ обязанностей; составленіе и планъ

описей церковному имуществу; церковныя библіотеки, кружки, поставляемыя въ церквахъ для сбора добродѣтельныхъ пожертвованій на разные предметы; продажа восковыхъ свѣчъ въ церкви; дѣйствующія узаконенія по торговлѣ церковными восковыми свѣчами и на комъ лежитъ обязанность наблюдать за правильною торговлею частными торговцами восковыхъ церковныхъ свѣчъ; на чей счетъ могутся улицы и площади въ городахъ вокругъ церквей; о взиманіи налога съ недвижимыхъ церковныхъ имуществъ; устройство церковныхъ домовъ для причетовъ; церковныя лѣса; церковная земля, какая именно пропорція земли должна бытъ надбѣляема причтамъ; обязанности землемѣровъ и депутатовъ отъ духовенства по отводу подцерковной земли; плата землемѣрамъ за отводъ и размежеваніе подцерковной земли и за отводъ кладбищъ; правила о разграниченіи церковныхъ земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; правила, по коимъ государственные крестьяне могутъ отдавать во временное и вѣчное владѣніе причтамъ часть своихъ земель; изыятіе отъ поземельнаго сбора на земскія повинности подцерковныхъ земель; порядокъ назначенія вознагражденія за отходящія отъ церквей имущества; отдача церковныхъ имуществъ въ аренду; продажи, завѣщанія и уступки въ пользу церквей имущества; о рубкѣ части церковнаго лѣса для продажи; на комъ лежитъ обязанность защищать въ судѣ церковную собственность; отчисленіе 10 и 2% съ церковныхъ суммъ на удовлетвореніе потребностей по учебной части духовнаго вѣдомства; взиманіе изъ церковныхъ доходовъ сверхъ установленнаго 2% суммъ потребныхъ на сверхштатные расходы по духовно-учебнымъ заведеніямъ; отводы приходскихъ церквей и порядокъ служенія въ оныхъ полковыми священниками; правила храненія и сбереженія церковныхъ суммъ; выписка вѣчниковъ и разрѣшительныхъ молитвъ, продажа ихъ и отчетность; подробное исчисленіе всѣхъ узаконеній и распоряженій о постройкахъ и починкахъ церквей и подѣлкахъ въ оныхъ; отчетность въ суммахъ по постройкѣ церквей и освященіе новыхъ церквей; мѣры епарх. начальствъ по устройству церквей на мѣсто сгорѣвшихъ и правила о выдачѣ просительныхъ книгъ и печатанія въ газетахъ воззваній для испрашиванія добродѣтельныхъ пожертвованій на устройство церквей; устройство молитвенныхъ домовъ для приходовъ и кладбищъ; о пожертвованіяхъ въ пользу церквей по духовнымъ завѣ-

щаніямъ; на что особенно должны обращать вниманіе священники при подписаніи духовныхъ завѣщаній; порядокъ укрѣпленій за церквами пожертвованныхъ и отказанныхъ по духовнымъ завѣщаніямъ недвижимыхъ имуществъ; о благоустройствѣ храмовъ внутри и вѣн оныхъ; на какомъ разстояніи отъ церкви воспрещается устройство бань, кузницъ и питейныхъ домовъ и когда воспрещается продажа крѣпкихъ напитковъ; о припискѣ и упраздненіи церквей и новѣйшія законоположенія о приписныхъ церквахъ; сроки представленія подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ отчетности, суммъ и формы вѣдомостей.

Изъ этого краткаго перечня содержанія брошюры «О церковномъ хозяйствѣ», полагаемъ, достаточно видно, что книга эта можетъ служить полезнымъ настольнымъ руководствомъ какъ для оо. благочинныхъ, такъ и для оо. настоятелей и старостъ приходскихъ церквей.

Письма съ деньгами адресовать: «Въ редакцію харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостей», въ Харьковѣ.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“

1873 и 74 учебномъ году.

(Годъ второй.)

Педагогическій журналъ «Школьная Жизнь» издается по слѣдующей программѣ:

1) Значеніе и задачи элементарной школы въ воспитательномъ, образовательномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ. Средства къ развитію силъ физическихъ, умственныхъ способностей, нравственно религіознаго и патріотическаго чувства въ ученикахъ. Искусства, ремесла, гимнастика и игры для учениковъ

обоюго пола. Исторія элементарныхъ школъ у насъ въ Россіи и у другихъ народовъ.

2) Предметы обученія. Методы обученія. Строй обученія. Учебныя пособія. Учебные матеріалы и принадлежности. Здѣсь будутъ помѣщаться краткія статьи изъ церковной и политической отечественной исторіи, естествознанія и законовѣдѣнія. Къ этимъ статьямъ будутъ прилагаться рисунки. (При этомъ отдѣлѣ предполагается давать иногда особыя приложенія).

3) Біографическіе очерки учениковъ и учителей элементарной школы какъ у насъ въ Россіи, такъ и у другихъ народовъ. Воспоминаніе о школьной жизни членовъ общества.

4) Библіографія. Указаніе книгъ пригодныхъ для элементарной школы.

5) Педагогическая лѣтопись. Всякаго рода современныя извѣстія, касающіяся воспитанія и устройства элементарныхъ школъ въ отечествѣ и за границей. Правительственныя узаконенія и распоряженія по отношенію къ элементарнымъ школамъ.

6) Смѣсь и разныя извѣстія. Здѣсь будутъ помѣщаться свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ государственной жизни и частной, полезныя для учителей элементарныхъ школъ.

7) Объявленія.

Программа журнала «Школьная Жизнь» была разсмотрѣна особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ отзывѣ его сказано: «разработка этой программы можетъ принести пользу дѣлу начальнаго народнаго обученія.

Журналъ «Школьная Жизнь» выходитъ въ продолженіе учебнаго года, т. е. съ 1 го Сентября по 15 Юня еженедѣльно, кромѣ двухъ съ половиною каникулярныхъ мѣсяцевъ, всего 42 нумера въ учебный годъ.

Цена журнала «Школьная Жизнь» за 42 номера, содержащія въ себѣ отъ 50 до 70 листовъ четыре рубля съ пересылкою, за полгода 2 р. 50 к. т. е. съ 1-го Сентября по 1-е Января и съ 1-го Января по 15 Юня. 1874 г.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ Редакціи журнала «Школьная Жизнь», по Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, домъ № 88, кв. № 24. Первый номеръ Журнала «Школьная Жизнь» выйдетъ 4-го Сентября во вторникъ и съ нимъ разослана будетъ «Памятная карманная книжка для учителей элементарныхъ школъ».

ПОЖЕРТВОВАНІЯ:

На нужды бѣдныхъ воспитанницъ Вор. Епарх. Жен. Училища, остававшихся въ заведеніи на каникулы, доставлено Игуменьей Орловскаго женскаго монастыря 10 рублей.

Редакторы: (Прот. **В. Никоновъ.**
(Свящ. **І. Адамовъ.**

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **И. Далицинъ.**
Августа 30-го дня 1873 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейной.